

П. Н. П.

МЫ ЖИВЫ!..

Раздался отбой...

Только тот, кто сам провел несколько часов в смертельной и близкой опасности, сдавленный мрачными стенами подвала и словно оторванный от остального мира, только тот знает, какой невыразимой радостью и благоговением проникает в душу вид звездного неба... Его бесконечность, его кропоткое сияние, извечный порядок его светил, все это говорит о великом законе, который человек так преступно попирает тут, на земле. Нужно некоторое время, чтобы успокоился взволнованный дух, прошло возбуждение, вызванное налетом, и человек вновь почувствовал себя частью великого целого, а не оторванным и отброшенным осколком его...

Уже подымаясь из подвала, я видел отблески пламени на стенах соседних зданий. От углового дома, куда было прямое попадание, осталась лишь только одна стена. Все остальное, все пять этажей, рухнули и лежали огромной кучей дымящегося мусора, обгорелых балок и кирпичей. На развалинах уже работали. Рядом стоял грузовой автомобиль с инструментами, гудел мотор и по трубам куда-то накачивали воздух. В полумраке люди казались серыми тенями, а их лопаты, кирки и ломы — жалкими игрушками перед этим могильным курганом.

Из дыма и пыли вышел высокий человек. Я различил худое лицо и седые волосы, торчащие из под форменной фуражки.

— «Шестнадцать человек засыпано в подвале», сказал он. «У меня не хватает рабочих рук. Можете вы помочь?»

— «Конечно». Я взял из его рук лопату.

Потом все кругом как будто куда-то отошло, осталось лишь равномерное движение рук, подхватывающих лопатой мусор и откидывающих его в сторону. Нас было человек двадцать. Передние работали кирками и ломом, разбивая глыбы каменной стены и балки, другие отбрасывали лопатами и вилами уже разбитые кирпичи, очищая узкий, ведущий вниз, проход. Чем ниже мы спускались, тем выше подымались по сторонам стены дымящегося мусора, осыпавшегося мелким песком и пеплом. Скоро мы оказались перед ступенями лестницы и осторожно спустились под разрушенный дом. Разгребать дальше было пока не нужно. Электрические фонари осветили стены коридора ярким, синеватым светом. Потолок местами рухнул, местами дал зловещие трещины.

— «Подпорки!» крикнул кто-то впереди. Сзади стали передавать пригнанные балки. Упирая их в потолок, вся группа медленно продвигалась вперед, перебираясь через груды щебня, какие-то ящики, мешки и кучи угля.

— «Тише!» снова крикнул кто-то впереди, и кругом сразу все смолкло. Работавшие рядом со мной сняли шляпы и вытирали потные лица. Мотор снаружи перестал работать и в мертвой тишине четко прозвучали три удара. Это мы давали сигнал заживопогребенным, стуча балкой в стену. Тук, тук, тук. Потом долгое, напряженное молчание и откуда то, издалека, слабый ответный стук. Все облегченно вздохнули.

Дальше. Сзади подвезли тачки и носилки. Все знали, что каждую минуту мы могли встретить раненых и полузадохнувшихся людей. Так прошло еще некоторое время; новые подпорки были укреплены в покосившийся потолок. Вдруг что-то грузно ухнуло и послышался сдавленный стон. Впереди случился обвал и мимо меня пронесли раненых, трех человек, придавленных рухнувшим сводом. Среди них был пожилой человек, просивший моей помощи. Голова его была сплошной кровавой

массой и из-под залитой кровью фуражки торчали седые волосы.

Войти в подвал снизу оказалось невозможным. Потолок оседая под тяжестью развалин и грозил обвалиться и в том помещении, где еще были живые люди.

Подавленные, мы вышли наружу. Тут ярко горели прожектора, медленно бродя синими лучами по грудам развалин. Работали механические сверла. В образовавшиеся отверстия были спущены усилители-микрофоны. Какой-то человек сидел у приемника и крутил диски. Внезапно он поднял руку. Работа прекратилась и снова наступила мертвая тишина. Человек надел наушники, прислушался, потом встал.

— «Они говорят: мы живы!» сказал он.

Снова заработали сверла, впиваясь острыми наконечниками в этот могильный холм. Снова замелькали кирки и лопаты, подхватывая щебень и разбрасывая его во все стороны. Мы рыли теперь прямо вниз, вдоль сохранившейся стены.

— «Мы живы!» Кто эти «мы»? Не все ли равно! Кто бы они ни были — они имеют право на жизнь, на свои собственные радости и надежды. И мне почудилось, что теперь, во время войны, среди всеобщего уничтожения здесь, на этих развалинах, творится нечто, что быть может будет положено на другую чашу весов: здесь люди не отнимают чужую жизнь, но отдают свою другим. Разве мы знаем, кто эти засыпанные в подвале? И разве я и мои товарищи на работе положили бы кирки и лопаты, если-б знали, что под развалинами погребены люди другой, даже враждебной нам национальности? Не подымается ли в таких случаях человек выше национальных предубеждений и не есть ли его помощь ближнему, даже врагу, истинным проявлением его человечности? Господи, как мелки и ничтожны кажутся все эти патриотические вопли, эти рассуждения об экономических выгодах, о славе и счастье будущих поколений, когда смотришь на них с высоты личной жертвенности, с высоты такой реальной, нужной помощи ближнему! Сознают ли правящие миром ту силу, которая остается ими неиспользованной? Понимают ли, что разжигаемая ненависть, они все глубже роют могилу? Что выход не в ненависти, а в другой, противоположной силе, заложенной во всяком человеке и прорывающейся в нем без всякого приказа, без надежды на выгоду, просто, как естественное стремление выявить свое понятие о добре и зле, выявить в мире, в делах, в мыслях и поступках то, что сделало его человеком?

Я смотрел на людей, работавших рядом со мною. И я вспоминал лица людей, которые должны были идти не на спасение, а на уничтожение других. Воистину, человек может стремиться к Богу, и как радостно к Богу, и как должен он извратить, отуманить, опьянить себя, чтобы стать зверем...

— «Мы живы!» Пусть откуда-то, с неба, спустят микрофон и поступчат в стену нашего подвала. Мы отзовемся: «Да, мы живы!» Несмотря на развалины над нашими головами, развалины того, где мы жили, что было создано нами и нашими предками и что рухнуло теперь за несколько лет войны. Мы потеряли все — веру в правоту, веру в разум... Мы увидели силу ненависти, слепой разгул страстей, подлую игру честолюбцев, жадность, тупость, торжество зла. И все таки «мы живы!» Пусть потеряно прошлое, ужасно настоящее, темно и беспробудно будущее, пусть потеряны устои, на которых столетиями строилось человеческое общество — честность, благородство, справедливость — пусть все это принесено в жертву разгулу слепой ненависти — «мы все таки живы!» Мы са-

мы не знаем, что именно живо в нас — какая то искра, какой то инстинкт, какое то стремление, колеблющееся, как пламя свечи, готовое ежеминутно потухнуть от урагана разыгравшихся кругом стихий — этих страшных и грозных великанов войны, разрушения, смерти, ненависти... И все же не гухнет, все же тлеет в нас — что? Надежда? Или тот примитивный жизненный импульс, тот Бессмертный Дух, погасить который не может ничто, ибо зажжен он от Вечного источника и многие тысячи лет передается из поколения в поколение?

Не знаю... Но, роаясь лопатой в мусоре, разбрасывая куски кирпича уже расцарапанными до крови руками, слыша кругом тяжелое дыхание других людей, я сознавал, что здесь, на этой груде развалин, творится нечто более великое, чем на полях сражения, ибо — один грамм *созданного* ценнее многих тонн *разрушенного*.

Через два часа, едва держась на ногах от усталости, оборванные, грязные, но счастливые мы вытаскивали из подвала истерично плачущих и цепляющихся за нас людей — мужчин, женщин и детей, всего шестнадцать человек...

... Уже светало... На фоне побледневшего неба страшными, черными силуэтами рисовались развалины домов. Как пальцы, укоризненно обра-

щенные к небу, торчали одинокие трубы. Я шел домой и развалины смотрели на меня черными впадинами выбитых окон. Обогнув разрушенный угол улицы, я внезапно увидел парк, спускавшийся вниз ровной, зеленой лужайкой с разбросанными по ней цветущими кустами и покрытой пестрым узором синих, белых и желтых цветов... Запах цветущей акации ворвался в дымную атмосферу города и чирканье птиц было так странно, так спокойно и домовито после треска пожаров, беспокойно звучащих сирен и шипенья водяных струй на раскаленных камнях.

Я невольно остановился, глядя на розовевшее небо, по которому уже неслись золотые лучи — вестники восходящего солнца. Жизнь, думал я, остановить ее невозможно, с ней нужно идти вместе, принимать то, что она дает, ценить ее вечные радости и переносить ее минутные горести, ибо разве горести эти не минутны? Ведь миг — и нет ни нас, ни детей наших и уже новые поколения встречают восход солнца, провожают ночь и готовятся к трудовому дню.

Так пусть будет благословенна Жизнь и пусть смелостью, трудом, героизмом и ясным сознанием возложенного на нас человеческого долга будет оправдана и побеждена Смерть.